

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.П. ГЛИНКИНА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель научного направления «Международные экономические
и политические исследования» Института экономики РАН

Н.В. КУЛИКОВА

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель
Центра восточноевропейских исследований
Института экономики РАН

О МОДЕЛИ КАПИТАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Статья посвящена дискуссионному вопросу о характере моделей капитализма, сложившихся в постсоциалистическом мире в результате общественно-экономических трансформаций. В центре внимания авторов – анализ особой модели капитализма в европейских постсоциалистических странах, которые попали в зависимость от инвестиционных решений транснациональных корпораций, разместивших на их территориях свои производства. Исследуются механизм координации и институциональная комплементарность, характерные для модели «зависимого капитализма»; анализируются социально-экономические эффекты функционирования зависимой рыночной экономики; рассматривается вопрос о направлениях экономической политики, способной обеспечить устойчивый экономический рост в странах зависимого капитализма в условиях новой реальности в мировой экономике.

Ключевые слова: *постсоциалистические трансформации, модели капитализма, зависимая рыночная экономика, прямые иностранные инвестиции, экономический рост, страны Центрально-Восточной Европы.*

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, 057.

О моделях капитализма

К настоящему времени в рамках междисциплинарных исследований получены убедительные доказательства того, что существуют различные типы капитализма – и при этом нет какого-то одного «лучшего варианта».

В научной среде распространены два основных подхода в осмыслении капитализма как феномена экономики и общественной жизни:

- марксистский, оперирующий главным образом понятием «капиталистический способ производства» и объясняющий его через категории «прибавочная стоимость», «самовозрастающая функция капитала», «антагонизм классов», «буржуазия», «рабочий класс» и др.;
- либеральный, базирующийся на идеях А. Шеффле о капитализме как либерально-индивидуалистической системе, а также на научных разработках представителей немецкой исторической школы в связи с обоснованием ими понятий «государство», «кооперация», «рациональность», «дух», «свобода».

В результате в научной литературе наличествует многообразие и многозначность трактовок понятия «капитализм», что дает основание некоторым исследователям утверждать, что «капитализм является одновременно неясным и неточным понятием: его содержание довольно расплывчато; класс стран, которые без колебаний можно назвать капиталистическими, не имеет четко очерченной границы» [1, с. 28].

Впервые о существовании различных типов рыночно-капиталистического хозяйства как научно обоснованном факте заговорили после выхода в свет монографии Э. Шонфилда [2], идеи которого популяризировал М. Альбер в работе «Капитализм против капитализма» [3]. Исследовав кардинально различающиеся в США и Германии элементы хозяйственной системы, авторы выделяют две основные модели капитализма:

американскую, основанную на индивидуалистической идеологии, ведущей роли рынка, дифференциации доходов, особой роли биржи в функционировании финансовой системы, максимизации прибыли в краткосрочной перспективе, и

рейнскую, предусматривающую большее участие государства в регулировании экономики, высокий уровень социальной защищенности граждан, сдерживание дифференциации заработных плат и доходов. При этом М. Альбер считал, что рейнская модель, будучи социально более справедливой, может быть и экономически более эффективной.

Представители получившей распространение во Франции в середине 1970-х годов теории регуляции выделяют четыре основных типа капитализма: рыночный (США, Великобритания), корпоративный (Япония), социал-демократический (Швеция, Австрия) и стейтистский (Франция) [4]. Данная теория исходит из положения о том, что экономические закономерности предопределяются совокупностью общественных отношений.

Американские экономисты П. Холл и Д. Соскис выделяют два базовых типа капитализма – либеральная рыночная экономика (ЛРЭ) и координируемая рыночная экономика (КРЭ) [5]. По их мнению, для выделения особой модели капитализма необходимо выполнение трех условий: 1) наличие альтернативного экономического механизма координации, тесно связанного с 2) относительно стабильным набором комплементарных институтов, 3) что обеспечивает специфические преимущества и лучший экономический сценарий развития по сравнению с другими социально-экономическими типами.

В рамках ЛРЭ основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок. В КРЭ важную роль играют разнообразные нерыночные механизмы: межфирменные и внутрифирменные деловые сети, национальные и секторальные бизнес-ассоциации, профсоюзы и пр. Наличие господствующего механизма координации не отменяет действия в конкретной экономике других его видов. Так, в КРЭ неизменно присутствуют в качестве механизмов координации рынок и рыночные контракты, а в ЛРЭ не исключена практика согласований на уровне отраслевых и межотраслевых ассоциаций.

Авторы определяют специфический набор комплементарных институтов¹, способных объяснить значительные различия в инновационных моделях развития стран, и вводят понятие «институциональная комплементарность» для описания взаимозависимости институтов, их взаимоподдерживающего и взаимоусиливающего влияния. П. Холл и Д. Соскис демонстрируют, как специфические конфигурации институтов формируют облик хозяйственных систем, и приходят к выводу о существовании «сравнительных институциональных преимуществ» у каждой из выделенных моделей: комплементарные по отношению друг к другу институты дают фирмам определенные преимущества в одних видах деятельности и ограничивают в других.

Таким образом, анализ показывает наличие в рамках капитализма различных моделей. В таком случае лозунг о переходе от плана к рынку как сущности трансформационного процесса в постсоциалистических странах мало что объясняет – рынок рынку рознь. При этом нельзя не видеть, что разработанный П. Холлом и Д. Соскисом методологический подход позволяет анализировать лишь ограниченную часть производственных отношений и институтов современного капиталистического общества, что снижает возможности стереоскопического видения современных реалий [6, с. 83–84]. Поэтому попытка идентифици-

¹ Среди них – корпоративное управление, основные источники финансирования инвестиций, отношения между трудом и капиталом, система подготовки кадров и механизмы трансфера инноваций в рамках экономики.

ровать типы капитализма в постсоциалистическом мире в категориях двух основных моделей – ЛРЭ и КРЭ – оказывается непродуктивной: развитый западный капитализм не универсален, а уникален, он является результатом исторических особенностей развития конкретных государств, о чем убедительно писал М. Альбер.

Специфика капитализма в европейских постсоциалистических странах

Изучение результатов общественно-экономических трансформаций на основе методологии, предложенной П. Холлом и Д. Соскисом, позволяет сделать вывод о том, что нигде в постсоциалистическом мире не была реализована ни одна из базовых моделей современной капиталистической экономики, характерных для развитых западных стран: ни либеральная рыночная экономика, ни координируемая рыночная экономика. Вместо этого возникло несколько новых типов капитализма: государственный капитализм в Китае, клановый капитализм в ряде государств Средней Азии и, наконец, особый случай – зависимый капитализм в Центрально-Восточной Европе.

Попытки идентифицировать сложившуюся в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) модель капитализма на основе разработанного П. Холлом и Д. Соскисом методологического подхода дают противоречивые результаты. Одни исследователи находят сходство между этими странами и либеральными рыночными экономиками [7; 8], другие констатируют движение этих стран в сторону координируемой рыночной экономики [9; 10], в то время как третьи усматривают появление в них гибридного типа капитализма, объединяющего черты двух базовых моделей [11; 12]. При этом упускаются из виду принципиальные особенности развития стран ЦВЕ в постсоциалистический период, которые позволяют нам говорить о возникновении в них особой модели капитализма, не укладывающейся в традиционную типологию.

Специфику модели капитализма в странах ЦВЕ предопределил способ их перехода от централизованно управляемого планового хозяйства к рыночному, который был совершен путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов либеральной рыночной экономики, существующих в Евросоюзе. После снятия, в соответствии с правилами ЕС, всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний на своей территории страны ЦВЕ не смогли противостоять захвату неокрепших национальных экономик иностранным капиталом.

Исследователи называют сложившуюся в странах ЦВЕ модель экономики по-разному (интеграционная, филиальная и др.), но наиболее точно ее суть передает вошедшее в научный оборот определение

«зависимая рыночная экономика». Основной чертой стран с данным типом экономики является фундаментальная зависимость экономического развития от иностранных инвестиций. Функцию центрального механизма координации в случае зависимого капитализма выполняют иерархии в рамках ТНК, такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, реализуется их штаб-квартирами [13; 14]. При этом как ключевой институт модели этот механизм координации полностью комплементарен с другими ее элементами.

Первая, наиболее очевидная связь существует между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций, которыми выступают ПИИ. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х годах обогнали ЕС по объему их притока относительно ВВП. Объем накопленных ПИИ в этих странах в пересчете на душу населения в 2 раза больше, чем в среднем в мире. Предприятия под иностранным контролем обеспечивают в них, по данным Евростата, в среднем более $\frac{1}{5}$ занятости и создают свыше $\frac{1}{3}$ валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. В силу отсутствия у правительств принимающих стран возможности проводить селективную ПИИ-политику (противоречащую правилам ЕС) подавляющая часть ПИИ пришлось не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролируются и финансируются из штаб-квартир [15, с. 8; 16; 17].

Вторая тесная взаимосвязь существует между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. Учитывая жесткую международную конкуренцию за ПИИ, правительства идут на создание максимально привлекательной среды для иностранных инвесторов, и ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых трудовых отношений в принимающих странах. С одной стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи, и недовольство работников в каких-либо звеньях может негативно сказаться на производственном результате в целом. С другой стороны, ТНК нуждаются в низких затратах на труд и, следовательно, для них неприемлемо наличие в странах своей экспансии таких институтов, как всеобъемлющие коллективные соглашения, а также ограничений свободы работодателей в вопросах найма и увольнения работников. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК, профсоюзов и гражданского общества в странах зависимого капитализма не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. В результате доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК [18, с. 16].

Третья зависимость возникает между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и механизмами развития инноваций. ТНК предпочитают оставлять инновационные виды деятельности в странах своего базирования, либо приобретать инновации в странах либеральной рыночной экономики, либо создавать их на совместных предприятиях с производителями стран координируемой рыночной экономики. В зависимых рыночных экономиках ТНК размещают в основном сборочные производства или производства несложных, полустандартизированных товаров, и у них нет необходимости тратить здесь большие средства на научно-исследовательскую деятельность или профессиональную подготовку кадров, формирующую специфические знания и навыки [18, с. 16].

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных координируемой рыночной экономике, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высокого уровня квалификации рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории производств со средним уровнем технологий [18, с. 17].

Успехи и проблемы зависимой рыночной экономики

Вопрос о том, насколько благоприятным для стран ЦВЕ является попадание в число государств зависимого рыночного капитализма, остается дискуссионным.

До начала мирового финансового кризиса в научной литературе преобладали высокие оценки эффективности экономической модели, сложившейся в странах ЦВЕ. Свидетельством служил тот факт, что группа этих стран уже к 2000 г. восстановила дореформенный объем совокупного валового продукта, а в последующие годы, вплоть до кризиса, входила в число наиболее динамично развивавшихся регионов мира (см. табл. 1 и рис. 1).

Значительно улучшились качественные характеристики экономики. Повысился средний технологический уровень производства, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг. От половины до $\frac{3}{4}$ прироста регионального валового продукта с середины 1990-х годов обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, прежде всего производительности

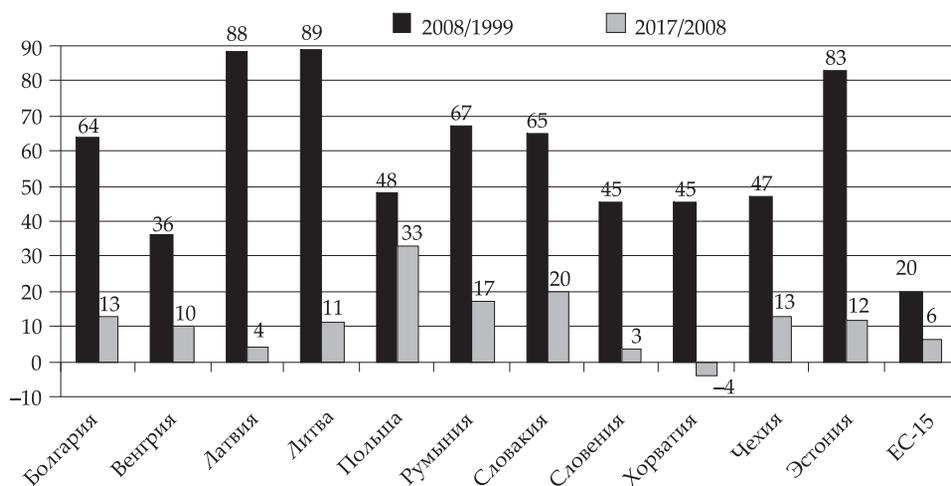
Таблица 1

Темпы прироста реального ВВП в среднем в год, в %

	1995–1999*	2000–2008	2009	2010–2013	2014–2017	2018–2022 (прогноз МВФ, октябрь 2017)
Болгария	-1,4	6,0	-3,6	1,0	3,1	2,8
Венгрия	2,7	3,4	-6,6	0,7	3,5	2,7
Латвия	3,7	7,2	-14,4	2,2	2,9	3,3
Литва	5,0	7,0	-14,8	3,7	2,9	3,3
Польша	5,9	4,1	2,8	2,9	3,7	2,9
Румыния	-0,2	6,1	-5,9	1,0	4,7	3,6
Словакия	4,6	5,7	-5,4	2,8	3,4	3,6
Словения	4,3	4,2	-7,8	-0,5	3,4	2,0
Хорватия	4,0	4,2	-7,4	-1,1	2,1	2,3
Чехия	1,2	4,3	-4,8	0,7	3,7	2,4
Эстония	4,5	6,5	-14,7	4,0	2,9	3,1
<i>Для сравнения:</i>						
Мир	3,5	4,3	-0,1	4,2	3,5	3,7
ЕС	2,7	2,4	-4,3	0,9	2,1	1,9
Германия	1,6	1,6	-5,6	2,2	1,9	1,5

* Для Чехии – 1996–1999 гг.

Источники: Eurostat Database 31.03.2018; IMF. World Economic Outlook Database, October 2017; IMF. World Economic Outlook Update, January 2018.

Источник: Eurostat Database (28.03.2018).

Рис. 1. Прирост реального ВВП, в %

труда, при этом уровень безработицы, резко возросший в ходе трансформационных реформ 1990-х годов, снижался [19, с. 31]. Экономика стала экспортоориентированной, причем впечатляющий рост товарного экспорта сопровождался уменьшением в его объеме доли традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и ростом доли капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах и доли высокотехнологичных товаров (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии).

Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны обильному притоку иностранного капитала во всех формах и гарантированному спросу на продукцию экспортных секторов экономики, поднявшихся за счет прямых иностранных инвестиций, в основном западноевропейских. ПИИ послужили важным фактором накопления капитала, роста производительности факторов производства и повышения конкурентоспособности экономики, а щедрое кредитование производителей и потребителей иностранными банками подогрело внутренний спрос, что в совокупности дало мощный толчок экономическому росту.

Однако многие из достижений стран ЦВЕ имели оборотную сторону.

Так, отсутствие достаточной собственной здоровой основы для ускорения экономического роста привело к крупным внешним и внутренним макроэкономическим дисбалансам и долговым проблемам.

Рост факторной производительности и добавленной стоимости был в основном не результатом улучшения качественных характеристик существовавших производств, а следствием размещения на территории стран ЦВЕ филиалов ТНК с технологически более сложными производствами, «раздувания» в экономике финансового сектора, сектора платных услуг и сектора недвижимости при одновременном разрушении многих традиционных видов экономической деятельности под давлением конкуренции, возникшей из-за либерализации внешней торговли, полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС, а также вследствие закрытия части предприятий пищевой промышленности ввиду их несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам и ликвидации многих аграрных хозяйств из-за жестких квот ЕС на производство сельхозпродукции.

Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном за счет встраивания филиалов ТНК в вертикальные цепи поставок, тогда как среди собственных предприятий стран ЦВЕ лишь немногие смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки (то есть речь идет не о росте классического экспорта, а фактически о внутрифирменном обмене). При этом подавляющая часть экспортной продукции филиалов ТНК поставляется на рынок Евросоюза, что делает экономику стран ЦВЕ глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры.

Полное открытие экономики для иностранного финансового капитала вылилось в фактически неуправляемую кредитную экспансию западноевропейских банков в Восточной Европе. Легкодоступные кредиты отучили производителей и потребителей соизмерять свои потребности с реальными финансовыми возможностями и в конечном счете превратились в нездоровый источник экономического роста. К началу мирового кризиса объем кредитов в странах ЦВЕ превышал объем депозитов в 1,4–1,8 раза, а в Латвии – в 3 раза.

Наличие множества филиалов ТНК мало что дало странам ЦВЕ в плане технологической модернизации национальной экономики. Во-первых, организация иностранных производств в этих странах отличается сохранением наиболее инновационных частей производственных цепочек в странах базирования ТНК и трансфером в восточноевропейские филиалы лишь технологий среднего уровня. Во-вторых, ТНК передают технологии в свои филиалы, сохраняя над ними полный контроль со стороны корпоративных иерархий, то есть без каких-либо рисков дальнейшего распространения («утечки») технологий в экономику принимающих стран, которые возникают, например, в случае создания совместных предприятий. В-третьих, интересы ТНК реализуются лишь в ограниченной части экономики стран – реципиентов ПИИ, вследствие чего происходит ее распад на два слабо связанных между собой сектора – низкорентабельный национальный и более эффективный и конкурентоспособный иностранный, но готовый в любой момент перебазироваться в страны с более благоприятными условиями ведения бизнеса [15, с. 9–10].

Вместе с тем ставка на модернизацию имитационного характера на основе ПИИ отвлекла внимание стран ЦВЕ от развития собственных технологий. Важнейшая для модернизации экономики сфера НИОКР хронически недофинансировалась, что привело к слабости инновационного потенциала экономики. Эстония, Венгрия и Чехия отстают от общего уровня изобретательской активности в ЕС в разы, а другие страны – в десятки раз. Изобретения в сфере высоких технологий в странах ЦВЕ, кроме Эстонии, Словении и Венгрии, отсутствуют почти полностью. В условиях усиливающейся инновационной конкуренции такая ситуация консервирует, а в перспективе может даже увеличить отставание стран ЦВЕ по уровню факторной производительности и по темпам экономического роста от стран, активно развивающих науку и создающих инновации [20, с. 58–63].

Наконец, к вопросу о безработице. Ее уровень во многих странах ЦВЕ снизился не столько благодаря росту числа занятых, сколько вследствие эмиграции, значительно возросшей после получения восточноевропейцами права свободного передвижения и трудоустройства в границах Евросоюза. Румыния уже потеряла из-за отъезда граж-

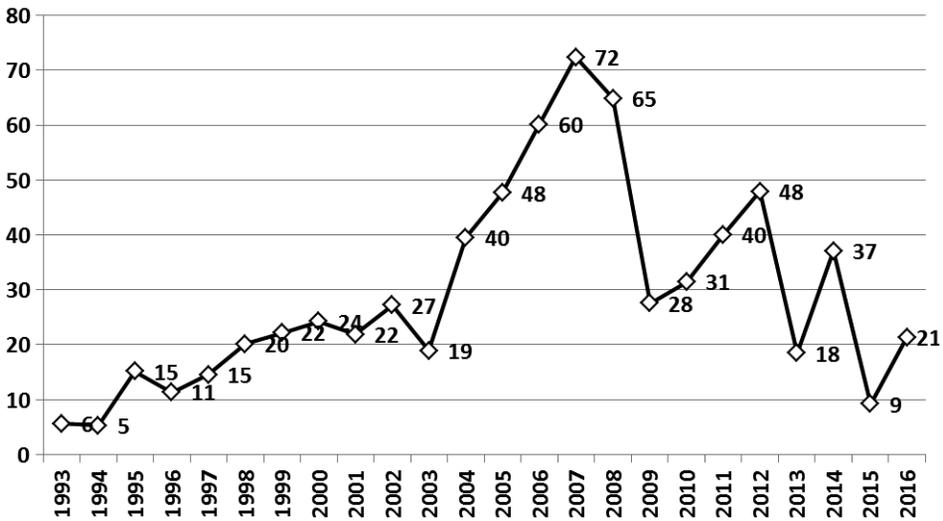
дан в другие страны ЕС более 14% своего трудоспособного населения, Хорватия и Латвия – по 11%, Литва и Болгария – 8%, Польша, Эстония и Словакия – от 4 до 6% [21, р. 5]. Отток рабочей силы обеднил трудовые ресурсы стран, а во многих случаях послужил важной, если не главной, причиной интенсивной депопуляции.

Вызовы новой реальности и возможные ответы экономической политики

К настоящему времени стало очевидным, что страны ЦВЕ сталкиваются с серьезными вызовами из-за критической важности притока иностранного капитала для поддержания роста своей экономики. Риски начали просматриваться уже в середине 2000-х годов, когда подошел к завершению льготный для ТНК процесс приватизации и когда страны стали постепенно утрачивать свое главное конкурентное преимущество – уникальную комбинацию низкой стоимости рабочей силы и ее высокой квалификации. С началом мирового финансового кризиса, когда количество свободных денег на мировом рынке резко уменьшилось и они стали дорогими, а спрос на товарных рынках упал, проблемы проявились в полной мере. Объем притока ПИИ в Центрально-Восточную Европу в 2009 г. сократился сразу в 2,5 раза, а из некоторых стран, в частности из Венгрии, иностранные инвесторы стали активно выводить накопленную прибыль. Остановка кредитной экспансии западноевропейских банков подавила внутренний спрос. Падение деловой активности в Западной Европе лишило экономический рост опоры на экспорт. В итоге Центрально-Восточная Европа пережила более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов, темпы восстановления были здесь одними из самых низких в мире, а в некоторых странах экономический спад затянулся на много лет (см. табл. 1).

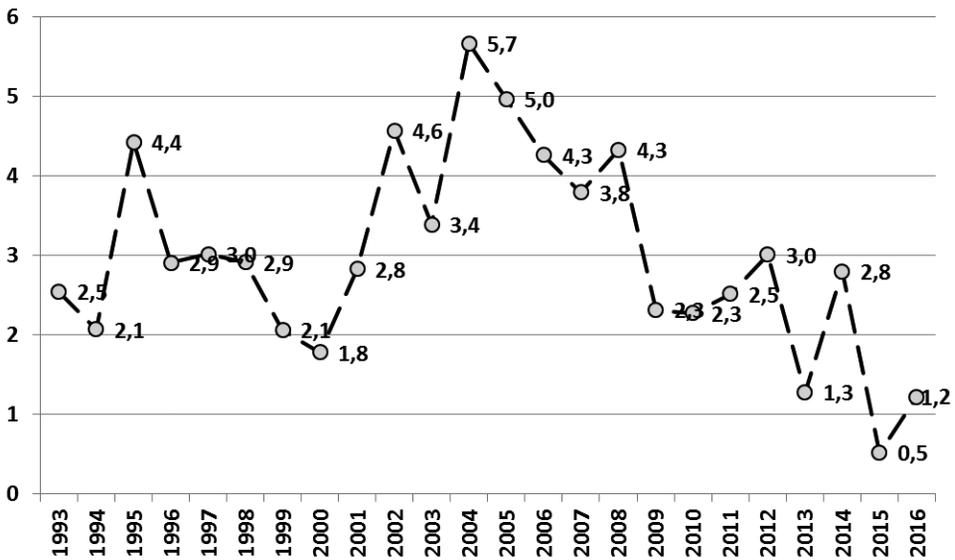
Одной из причин посткризисного депрессивного состояния экономики стало медленное восстановление притока ПИИ. По его объему страны ЦВЕ вернулись на уровень 1990-х годов (см. рис. 2). При этом доля этих стран в мировом притоке ПИИ сократилась до рекордно низких значений (см. рис. 3), свидетельствуя о том, что обмеление потока ПИИ в страны ЦВЕ является не только отражением общемирового тренда сокращения трансграничного движения долгосрочного предпринимательского капитала, но и следствием снижения их инвестиционной привлекательности ввиду появления аналогичных или даже лучших условий для деятельности ТНК в других странах.

В будущем сравнительные преимущества зависимой рыночной экономики могут быть утрачены странами ЦВЕ полностью. Осознание этого риска, а также негативных сторон модели зависимого капита-

Источник: UNCTADStat.

Рис. 2. Объем притока ПИИ в страны ЦВЕ – члены ЕС, в млрд долл. США в текущих ценах

Источник: UNCTADStat.

Рис. 3. Доля стран ЦВЕ – членов ЕС в мировом объеме притока ПИИ, в %

лизма, в основе которой лежит господство ТНК, требующих снятия любых ограничений на свободное движение всех факторов производства, вынуждает страны ЦВЕ к поиску новых решений в социально-экономическом развитии. В ряде них начинает набирать силу

«экономический патриотизм». Наиболее ярким примером служит Венгрия – в прошлом лидер Центрально-Восточной Европы по привлечению ПИИ². Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение налогового бремени в секторах, где в основном обосновались иностранные компании [22, с. 128–133].

Однако возможности для успешной реализации самостоятельного экономического курса в парадигме «экономического патриотизма» у стран ЦВЕ весьма ограничены ввиду зависимости от политики наднациональных органов ЕС и отсутствия достаточных капиталов. Более очевидной становится корректировка модели экономики в направлении усиления опоры на внутренние источники развития.

После пятилетнего периода повторяющихся спадов и застоя регион в 2014–2017 гг. вышел наконец на траекторию устойчивого экономического роста с темпом около 3,5% в среднем в год (см. табл. 1); промышленное производство в масштабах региона также стало показывать положительную динамику. Этому в значительной степени способствовали продолжающийся достаточно динамичный рост мировой экономики и начавшееся постепенное восстановление экономики Западной Европы, в особенности Германии, являющейся главным торгово-экономическим партнером стран ЦВЕ. Однако главную роль сыграли стимулирующая денежно-кредитная политика и нейтральная или умеренно экспансивная налогово-бюджетная политика, поддерживающая экономический рост в рамках приемлемых бюджетных дефицитов. Некоторые страны снизили ставки налогов.

Главным драйвером экономического роста, в отличие от докризисного периода, стало служить потребление домохозяйств. Повышению потребительского спроса способствовали благоприятные тенденции на рынках труда и значительное увеличение доходов населения. Численность занятых в регионе неуклонно росла, уровень безработицы опустился с 10,2% в 2013 г. до менее чем 6% в 2017 г. и во многих странах стал ниже докризисного. Возникший во многих странах дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, подтолкнул вверх ее стоимость: средняя реальная заработная плата повышалась в среднем на 4,5% в год, вдвое опережая рост производительности труда [23, р. 19]. Рост средней заработной платы во многих странах сопровождался значительным повышением минимального уровня оплаты

² Доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП Венгрии уже к началу 2000-х годов достигла 50%, намного превысив признанный в мировой практике безопасным уровень в 30% .

труда и увеличением привязанных к нему размеров социальных пособий. В некоторых странах частное потребление поддерживали фискальные стимулы (например, государственная программа по детским пособиям в Польше и снижение налога на добавленную стоимость и акцизов в Румынии) [24, р. 93].

Динамика инвестиционного спроса была изменчивой. В первые годы экономического подъема она ухудшилась, особенно в государственном секторе, вследствие существенного сокращения трансфертов из фондов ЕС из-за вялого старта нового программного периода 2014–2020 г., а в 2017 г. объем освоения структурных фондов ЕС вырос с низких уровней 2016 г. и инвестиционная активность повысилась.

Определенный вклад в ускорение роста регионального ВВП внес чистый экспорт. Объем экспорта товаров и услуг рос в два раза быстрее регионального валового продукта, чему способствовало главным образом повышение спроса в ведущих странах еврозоны. В результате суммарный дефицит счета текущих операций стран ЦВЕ, достигший своего максимального уровня в 8% ВВП в 2007 г., сменился небольшим профицитом.

Очевидно, что страны ЦВЕ не смогут долго поддерживать достигнутые за последние четыре года темпы экономического роста путем стимулирования потребительского спроса, поскольку дальнейшее повышение уровня оплаты труда поставило бы под угрозу международную конкурентоспособность экономики. Вместе с тем в условиях возникшей после мирового финансового кризиса новой реальности в мировой экономике невозможно повторение сценария развития за счет внешних факторов, действовавших ранее. Во-первых, более скромные международные потоки капитала и денежных переводов делают проблематичным экономический рост за счет крупных дефицитов торговых балансов, позволявших активно инвестировать в неторгуемые сектора, в том числе в сектор недвижимости. Во-вторых, замедление роста международной торговли (в частности, из-за исчерпания эффекта от ее либерализации и снижения таможенных тарифов в 1990-х – начале 2000-х годов и по причине достижения стадии зрелости существующими трансграничными цепочками добавленной стоимости), а также набирающая силу тенденция к усилению протекционизма ставят под вопрос возможность возвращения экспорту роли главного двигателя экономического роста, которую он играл во многих странах ЦВЕ до кризиса. В-третьих, новые долгосрочные мировые тренды в области технологий и развитие цифровой экономики, меняющие организацию производства и методы торговли, смещающие спрос на рабочую силу из одних профессий и секторов экономики в другие и изменяющие формы занятости людей, ослабляют главные конкурентные преимущества стран ЦВЕ [25, р. 11–14]. В этом же направлении действуют

демографические тенденции в регионе, ведущие к старению населения, сокращению предложения рабочей силы и росту ее стоимости.

В связи с этим трудно не согласиться с прогнозом МВФ, согласно которому экономический рост в Центрально-Восточной Европе будет замедляться и к 2022 г. почти во всех странах региона составит не более 2–3%, отставая от роста мировой экономики³. Повлиять на эту тенденцию с помощью стимулирующей макроэкономической политики, сыгравшей ключевую роль в циклическом ускорении экономического роста в последние годы, вряд ли возможно, так как сегодняшний уровень загрузки производственных мощностей и предложения рабочей силы свидетельствуют о том, что экономика в большинстве стран ЦВЕ работает уже на полную мощность, разрыв ВВП закрылся или приближается к нулю [23, р. 6]. Приоритетное значение для обеспечения долгосрочных перспектив развития приобретают более активная адаптация к глубинным изменениям в мировой экономике и экономическая политика, направленная на подъем потенциального экономического роста. Все варианты такой политики так или иначе связаны с решением задач по увеличению накопления капитала, расширению предложения рабочей силы и повышению производительности факторов производства [24; 26], темпы которых в последние годы снизились вследствие сокращения притока ПИИ и трансфера западных технологий, слабой динамики внутренних инвестиций из-за низкой деловой активности торговых партнеров в Западной Европе и трудностей в привлечении внешних займов, а также в результате замедления перераспределения рабочей силы из сельского хозяйства в сектора с более высокой факторной производительностью [27].

Необходимость корректировки модели экономики стран ЦВЕ для многих экономистов была очевидна давно. Однако до мирового финансового кризиса она игнорировалась, поскольку экономика и доходы быстро росли. Теперь же игнорировать недостатки сложившейся модели невозможно без ущерба для экономического и социального развития, ибо прежние движущие силы экономического роста в новой реальности не смогут обеспечить его долгосрочной устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
2. *Shonfield A. Modern Capitalism*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
3. *Альбер М. Капитализм против капитализма*. СПб: Экономическая школа, 1998.

³ IMF. World Economic Outlook Database, October 2017. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx.

4. Boyer R. How and why capitalisms differ. MPIfG Discussion Paper 05/4. June 2005. www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp05-4.pdf.
5. Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / Ed. by P. Hall, D. Soskice. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1–69.
6. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Какой капитализм построен в странах Центрально-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 79–94.
7. Cernat L. Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? // Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition. 2002. No. 6. P. 18–34.
8. Crowley S. Explaining Labor Weakness in Postcommunist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective // East European Politics and Societies. 2004. Vol. 18. No. 3. P. 394–429.
9. McMenamin I. Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East- Central Europe Make? // Journal of Public Policy. 2004. Vol. 24. No. 3. P. 259–274.
10. Lane D. Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // Competition and Change. 2005. Vol. 9. No. 3. P. 227–247.
11. Palda K. Czech Privatization and Corporate Governance // Communist and Postcommunist Studies. Vol. 30, Issue 1. March 1997. P. 83–93.
12. Iankova E. Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002.
13. Nolke A., Vliegthart A. Enlarging the Varieties Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009. Vol. 61, No. 4. P. 670–702.
14. Schneider B.R. Comparing Capitalisms: Liberal, Coordinated, Network, and Hierarchical Varieties. September 2007. www.ufjf.br/ich/files/2010/03/texto-06-grupo-de-pesquisa.pdf.
15. Глинкина С., Куликова Н. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3. С. 4–17.
16. Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy. MPIfG Discussion Paper 04/5. September 2004. www.econstor.eu/bitstream/10419/19907/1/dp04-5.pdf.
17. Horner M. What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. No. 2. P. 331–358.
18. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.
19. Куликова Н.В. Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз. В сб.: Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы / Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др. М.: Институт Европы РАН, 2014. (Доклады Института Европы. № 303). С. 30–37.
20. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.
21. European Commission. Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU. EU Employment and Social Situation Quarterly Review. Supplement June 2014. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014.

22. Волотов О.Г., Волотов С.О. Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 128–133.
23. IMF. Central, Eastern, and Southern Europe: A broadening recovery. Regional Economic Issues, May 2017. Washington, DC: International Monetary Fund.
24. World Bank. Broad-Based Upturn, but for How Long? Global Economic Prospects, January 2018. Washington, DC: World Bank.
25. World Bank. Trade in Transition. Europe and Central Asia Economic Update. May 2017. Washington, DC: World Bank.
26. IMF. Central, Eastern, and Southern Europe: How to Get Back on the Fast Track. Regional Economic Issues, May 2016. Washington, DC: International Monetary Fund.
27. EBRD. Stuck in Transition? Transition Report 2013. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2014. www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr13.pdf.

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Pavlovna Glinkina – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate, Head of the Scientific Direction «International Economic and Political Studies», Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. svetlinkina@yandex.ru

Natalia Vladimirovna Kulikova – Candidate of Geographical Sciences, Leading Research Associate, Head of the Center for East European Studies, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. kulikova.home@gmail.com

ON THE MODEL OF CAPITALISM IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

The article is devoted to a debatable topic of the nature of models of capitalism that have emerged in the post-socialist world following socioeconomic transformations. The authors focus on the analysis of a special model of capitalism in the European post-socialist countries, which have become dependent on investment decisions of transnational corporations that placed their production capacities on their territory. The features of coordination mechanism and institutional complementarity inherent in the model of "dependent capitalism" are explored; economic and social effects of the functioning of dependent market economy are analyzed; the issue of economic policy orientation that can ensure sustainable economic growth in the countries of dependent capitalism in a new reality in the world economy is considered.

Keywords: *post-socialist transformations, models of capitalism, dependent market economy, foreign direct investment, growth, countries of Central and Eastern Europe.*

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, O57.